

их объединения) в восточном направлении²⁷ явилась причиной гибели Таганрогского поселения. Вполне допустимо, что для достижения этой цели борисфенитами могла быть использована военная активность скифов.

Мы прекрасно понимаем, что отдельные положения данной работы не могут быть признаны окончательно доказанными и лишь дальнейшие исследования в этом направлении позволят их подтвердить либо опровергнуть. Только правильное определение места Таганрогского поселения в системе ранних греческих колоний Северного Понта даст важную информацию для понимания ранней истории античного Причерноморья.

В.П. Копылов

THE PLACE OF THE TAGANROG SETTLEMENT IN THE SYSTEM OF EARLY GREEK COLONIES OF THE NORTH BLACK SEA REGION

V.P. Kopylov

Recent years have increased the number of archaeological materials from the Taganrog settlement, one of the first Greek colonies in the North Black Sea Region, completely by the Sea of Azov. Comparing the old collections with new highly informative materials from this Greek *apoikia* makes it possible to ascertain the time of its functioning. An analysis of a representative series of painted and amphoras ceramics of the 2nd half of the 7th c. BC provides a basis for the conclusion that this Greek colony was founded in the 630ies. The fact that the Taganrog settlement collections have no material representing the last quarter of the 6th c. BC favours the opinion that the fall of the settlement is to be dated back to the 3rd quarter of that century.

In spite of the opinion that there were no links between the Taganrog settlement and the surrounding Steppe, the new data clarify the scale of economical influence exerted by the colony and its significance in the system of political and economical cooperation between the early Greek Euxinian colonies. For the late 7th and the 1st half of the 6th c. BC the Taganrog settlement played such an important role in the Eastern part of Herodotus' Scythia, that it could be compared to the role of Histria in its Western part and that of Borysthenes in the central part.

The work presents some arguments for identifying the Taganrog settlement with the haven of Cremnoi mentioned by Herodotus.

© 1999 г.

ОСТРАКОН С ТАГАНРОГСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

(Эпиграфический комментарий)

При сборах 1989 г. на Таганрогском поселении найден был окатанный морем, соединяющийся из двух обломков амфорный остракон, поступивший из коллекции А.Л. Глейзера в Таганрогский музей (КЛ-89, № 49). Судя по тексту нанесенной на него греческой надписи, разбираемой ниже, слева утрачена примерно половина черепка, имевшего некогда скорее всего подовальную форму. Максимальные размеры сохранившейся части амфорного фрагмента 5,5×4,3 см, высота букв колеблется от 0,5 до 1,0 см (рис. 1).

Граффито процарапано достаточно глубоко и аккуратно в манере бустрофедон, первая строка которого определяется не только по более крупным и шире расставленным буквам, но и согласно принципам этой манеры письма: две первых строки исполнены так называемым псевдобустрофедоном, когда верхушки букв смотрят вверх, а последняя строка плавным изгибом из средней перетекает в исконный бустрофедон (*Schlangenschrift*), когда идущие слева направо буквы перевернуты вверх ногами. Если допустить, что *Schlangenschrift* выдержан полностью (т.е. рисунок переворачиваем *vice versa*), тогда наша стк. 1, став последней, ориентирует верхушки букв вниз, что в эпиграфике беспрецедентно¹. Подобная

²⁷ Соловьев С.Л. Березанское поселение и Северо-Западный Крым // Международные отношения в бассейне Черного моря... 1996. С. 32.

¹ См. Zinn E. *Schlangenschrift* // *Das Alphabet*. Darmstadt, 1968. S. 292–320.

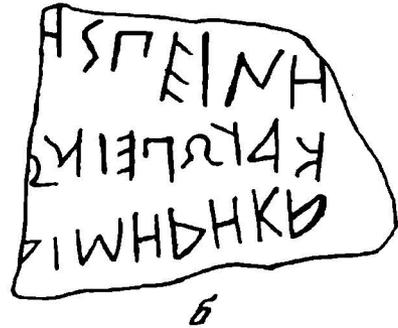
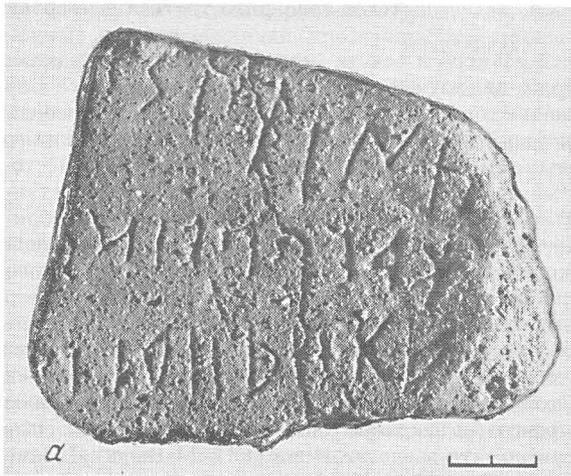

Рис. 1. Граффито на тагарогском остраконе: а – фото, б – прорисовка

архаическая система письма дает начальный репер для датировки надписи, коль скоро бустрофедон нашел широкое распространение в Греции вообще и Западной Ионии в частности именно в VI в. до н.э.²

Вторым уточняющим индикатором служат диагностические формы букв: *альфы* – один раз со скошенной, смыкающейся углом перекладиной, а в другом случае еще и с выгибающейся дугою наклонной чертой³; склоненного вперед *энсилон* с опущенными горизонталями и вертикалью, в одном случае выступающей снизу, а в другом – еще и сверху; наклонного *ню*, слегка отгибающего к тому же правую гасту; трехчастной *сигмой*, встреченной в восточноионийских центрах: Эфесе, Смирне, Хиосе (не исключено, что и в Милете, как показывают архаические надписи из его колоний⁴), и особенно – ранней *омеги* с опущенными вниз под разными углами усиками⁵. Вся шрифтовая диагностика, включая бустро-

² См. например: Woodhead A.G. The Study of Greek Inscriptions. Cambr., 1967. P. 26; Guarducci M. Epigrafia greca. I. Roma, 1967. P. 409.

³ Как, например, на статере Фана (Guarducci. Op. cit. I. P. 262 sg., № 4), в Навкратисе (Gardner E.A. Naukratis. II. L., 1888. P. 62. Pl. XXI, 701; P. 65. Pl. XXI, 778; P. 67. Pl. XXII, 840) и у некоторых березанских архаических inedita.

⁴ SEG XXXII, 724; издатели нового супплекта к LSJ (p. 225), упустив, видимо, corrigenda, включили в него ошибочное чтение ed. gr., исправление которого мною (Bull. ép. 1990, 553) было поддержано С.Р. Тохтасьевым (SEG XXXV, 858), который в последней работе (Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. // Нурегоревус. 1998. 4, 1. С. 42. Прим. 49) так и не пояснил, чем же «некорректна» моя критика его искусственной интерпретации, родившейся из неверной экзегезы глоссы Гезихия οἰφώλης как «сластолюбивого импотента» («для Идантемида хватит и этого количества вина, больше... ему... не рекомендуется – ведь Идантеמיד мог стать импотентом... от пьянства»). Расширенный список парадигматических composita из местного теонима + греч. основы см. Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 153. К чередованию долгих и кратких сонантов в «общенной» (!) лексике (e.g. βινῶ = βενῶ – встречено и в Ольвии!) см. Bain D. // CQ. 1991. 41. P. 54–62. Вазовый термин φρούτιχος, конечно же не имевший никакого отношения к стандартам мер жидкостей, вошел в Lexicon vasorum Graecorum. I / Ed. M.I. Gulletta. Pisa. 1992. Самодельный рисунок на дарственной кружечке Идантемиду отнюдь не «изображение карлика, сбивающего палкой (суб)тропические плоды, из которых, видимо, и вырабатывались ароматические средства, возбуждавшие "похотливого Идана"», представшего воображению В.П. Яйленко (Греческая колонизация VIII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 269), но всего-навсего неумело нацарапанная копия раскомого рисунка чернофигурных ваз: воина в паноплии и обычного орнамента из цветков и бутона лотоса, коим даритель скромно украсил свой презент – С.Р. Тохтасьеву оставался всего лишь шаг до верного решения.

⁵ Третью справа букву средней строки поначалу можно принять за *инсилон*, который заставил бы допустить ошибочный пропуск *йоты* в dat. ὠ(ι) (к этой форме в ион. ср. КБН. С. 805, § 12), что ослабило бы версию методически. На деле же перед нами архаическая *гамма* со вздыбленной горизонталью, знакомая милетянам из Навкратиса (Guarducci. Op. cit. P. 261. № 3. Fig. 115) и Борисфена (см. прим.).

федон переходного типа, заставляет датировать таганрогское граффито третьей четвертью VI в., ближе к его середине⁶.

Сложнее обстоит дело с реконструкцией размера и текста утраченной части остракона, соответственно с определением его содержания, хотя и это не представляется вовсе безнадежным. Прежде всего бросается в глаза явная элизия в ст. 3 (-δμ' ἦρηκα), указывающая на то, что перед нами сочиненный от первого лица стих, в соседних строках которого дважды повторены одноосновные лексемы: πεύνη и πεύνω. Их союзное соединение местоимением κδύω не оставляет сомнений в том, что первая лексема – не ионийское существительное πεύνη, а impг. πεύνη (более вероятно, чем praes. или conj.)⁷ безусловно в метафорическом значении глагола – не «голодать», но «жаждать, страстно желать», управлявшего gen.⁸ Поэтому предшествующее -ης скорее окончание не личного имени или некоего определения, но какого-то абстрактного понятия.

Граффити, наносившиеся на служившие симпозиастам чаши, способны подсказать дополнение окончания слова стк. 1 таганрогского граффито. На тулове происходящего из Нимфея килики V в. до н.э. процарапано: εὐθυμίας {ι} εἰμι ἢ κύλιξ (χαρέσσα πίνοντι) – «я килик радости, (приятный пьющему)»⁹. В том же направлении указывает другое синхронное и, видимо, также версифицированное граффито на закраине чаши из Ольвии: [ῥς ἀμ πίη μ]ε, πολὺ κραί[δ]ητι εὐθυμῆσεται¹⁰. Интересно, что в элегии Иона (1.13–14 Bergk) Дионис прямо назван «распорядителем веселых симпозиастов» (εὐθυμίων συμπόσιων πρῦτανος). Эллинская религия даже персонафицировала Евтимию (Pind., fr. 155; Memn. FGhN 434 F 4,2). Обильное употребление обозначающих чувства abstracta: εὐθυμία (4 раза) и δῖψα/διψάω у Пиндара¹¹ дает, кажется, ключ к дополнению первого слова стк. 3. Из всех приводимых обратным словарем Kretschmer-Locker лексем на -δμος: (παν)ἀοιδίμος, ἐδῶδιμος, κύδιμος, πλάδιμος, φαίδιμος, ввиду семантики глагола αἰρέω мы вправе остановить свой выбор на эпитете κύδιμος = «славный», коль скоро прилагательное φαίδιμος того же смысла характеризует только героев, а по отношению к прочим одушевленным и неодушевленным объектам означает «сияющий, светлый». Особое значение приобретает в этой связи финал XIV Олимпийской оды Пиндара (Pind. Ol. 14, 24), гласящий, что орхоменец Асопих «увенчал себя крылами славных победных наград» (ἔστεφάνωσε κυδίων ἀέθλων πτεροῖσι).

Как известно, в греческой лексике терминами ἀθλον, ἄθλα, лир. δεθλα именовались призы не только на гимнастических или мусических состязаниях¹², но и в ходе застольных, симпозиальных забав, например, при игре в коттаб, прямым свидетельством чему служит отрывок из позднеклассического историка Дикеарха, приведенный Афинеем (Athen. XI. 479 d–e)¹³: «Это занятие [коттаб] вошло в обычай, дабы привнести на симпозиасты так называемые

⁶ Передвинуть надпись в первую половину столетия мешает отсутствие замкнутой *эты*, см. *Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf.*², 1990. P. 325. Поразительно, насколько близка нашей, вкуче с бустрофедоном, палеография синхронного письма на свинце с Березани, в котором встречены те же редкие формы *гаммы* (дважды) и трехчастной *сигмы*: *Vinogradov Ju. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // Ed. G.R. Tsetskhladze. The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historia-Einzelschriften. 121. Stuttgart, 1998. P. 155. Fig. 1.* То же встречено и в неопубликованных граффити из Милета.

⁷ Учитывая ион. η = ηι (ср. ἦρηκα = ἦρηκα), это вовсе не исключено, но маловероятно ввиду поэтико-декларативного характера нашего текста.

⁸ Ср. *Schwyzler Ed. Griechische Grammatik. Bd. II. München, 1975. S. 105.* О ранней контракции в этом глаголе α + ε > η см. LSJ, s.v.

⁹ ОАК за 1876 г. С. 21; за 1877 г. С. 274 сл.; *Jeffery. Op. cit. P. 460. Pl. 72. № 63; SGI. III, 2, № 5579; Bechiel F. Die Inschriften des ionischen Dialekts. Göttingen, 1887. № 125; Kretschmer P. Griechische Inschriften ihrer Sprache nach untersucht. Gütersloh, 1894. S. 4. Anm. 3; Билимович З.А. // СХМ. 1961. II. II. С. 30. Прим. 1; Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.-Л., 1953. № 108; Силантьева Л.Ф. // МИА. 1959. 69. С. 63. Рис. 20. При предложенном мною, вполне мыслимом дополнении этот версифицированный текст станет законченным гекзаметром; ср. на синхронном килике из Ольвии (SEG 464): ἡδύποτος κύλιξ εἰμι φίλη πίνοντι τὸν οἶνον.*

¹⁰ Толстой (Ук. соч. № 15) склонен читать здесь: [πιών μ]ε Πολυκρά[της] εἰθυμῆσεται.

¹¹ См. *Гринбаум Н.С. Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. М., 1990. С. 136 сл.*; автор отмечает, что впервые слово εὐθυμία встретилось именно у Пиндара, но это, естественно, не должно означать, что оно было придумано им самим.

¹² Свидетельством чему служат соответствующие надписи на панафинейских амфорах, бронзовых сосудах и иных призах, одержанных на панэллинских и полисных агонах.

¹³ *Dikaearch. FHG. II. 247 ap. Athen. XI. 479 d–e.* Об Аристотелевом ученике перипатетике Дикеархе см.

коттабические награды (ἄθλα κottάβεια καλούμενα), среди прочего специально предназначенные для этого килики, прозванные «коттабидами». Если учесть, что глагол ἀρέω имел специальное значение "побеждать, одерживая призы на состязаниях"¹⁴, то не покажется такой уж невероятной следующая реконструкция таганрогского симпозиального остракона:

εἰθυμίης πεινῆ·	→ Жажды (веселья)!
κάγῳ πεινῶ [τε ἀεθαλλ	← Страстно желаю и я и (награды
νῦν τὰ κύ]διμ' ἤρηκα.	→ ныне) славные стяжал.

В пользу предложенного восстановления могло бы служить и то, что в левой обломанной части остракона тогда оказалось бы утрачено одинаковое число букв: в более размашистой стк. 1 – 6 букв, в более убористых сткк. 2 и 3 – 7 букв. Если признать за восстановленным таким образом стихом хоть некое сходство с поврежденным оригиналом, то первая его строфа (сткк. 1 и 2) предстанет перед нами безупречным гекзаметром, а вторая (стк. 3) – катаlecticеским трохеическим диметром с единственным изъятием: иррациональный спондей занял свое место не во второй, а в третьей стопе, чему не трудно отыскать параллели в доморощенных виршах подобного пошиба¹⁵.

Историческое значение таганрогского остракона состоит в следующем. Во-первых, обилие ионизмов в его тексте – безусловное свидетельство того, что обитатели Таганрогского поселения были представлены по большей части выходцами из Восточной Ионии, по всей видимости, милетянами, как и борисфениты – первые поселенцы синхронного поселения на о-ве Березань. Безупречный греческий язык, система письма бустрофедон, а главное – основательное знакомство со стихосложением и поэтической лексикой бесспорно говорят о высоком уровне их духовной культуры. И, наконец, сам застольный характер таганрогского граффито, как бы ни решался вопрос о его агонистическом назначении, плохо увязывался бы с сезонным характером Таганрогского поселения, т.е. с определением его функций как якорной стоянки эллинских купцов-мореплавателей или даже временной фактории, иначе эмпория в статусно-политическом аспекте этой дефиниции.

Ю.Г. Виноградов

AN OSTRACON FROM THE TAGANROG SETTLEMENT

(An Epigraphical Commentary)

Yu.G. Vinogradov

The author publishes an amphora ostracoon mentioned in V.P. Kopylov's article. The left part of the ostracoon is lost. A complex script diagnosis of the text in three lines including the boustrophedon of an intermediate type (between *Shlangenschrift* and pseudo-boustrophedon) dates the graffito back to the 3rd quarter of the 6th c. BC, somewhat closer to its middle.

A textological analysis of the surviving words on the ostracoon makes the author conclude that this is an inscription in verse consisting of two hexameters (lines 1 and 2) and one catalectic trochaic dimeter (line 3) composed amidst a joyful *symposion*, most probably while playing cottabus. The contents of the inscription may be reconstructed approximately as follows above:

Thirst (after revels). I'm thirsting as well and (the prizes
now) most splendid have i won.

The historical meaning of the Taganrog ostracoon can scarcely be exaggerated. The abundance of ionisms in the text is an incontestable evidence that the inhabitants of the settlement were of Eastern Ionian descentance, apparently Milesian. Impeccable Greek, the boustrophedon system, a thorough competence in metrics and poetical diction indicate their high cultural level. The very character of this banquet graffito does not agree with the current opinion that this settlement was a seasonal one, i.e. with defining it as an anchorage of Greek sea merchants or even as a temporary factory or emporion in the political sense of the term.

Dörrie H. Dikaiarchos // Der Kleine Pauly. 2. Sp. 19–21. О таких же симпозиальных призах (ἄθλων) упоминают цитируемые Афинеем (XV. 667 d, f; 668 d) комедиографы Антифан, Кратин и Эвбул.

¹⁴ LSJ, s.v., A, 3: «generally, *win, gain*, esp. in games». К ион. η = ηι в pf. ἤρηκα ср. Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. T. II². Heidelberg, 1959. S. 254. § 311, b; Stüber K. Zur dialektalen Einheit des Ostionischen. Innsbruck, 1996. S. 50–53.

¹⁵ Friedländer P., Hoffleit H.B. Epigrammata. Berkeley, 1948 – *in fine*.